

ФЕДОР ШАЛЯПИН: «И НИКАКИЕ ПАРИЖИ ДА ЛОНДОНЫ МНЕ ЭТОТ УГОЛОК НЕ ЗАМЕНЯТ»

нул. Так мгновенно могло меняться только лицо Шалыпина... Оно словно заострилось, стало мертвенно-пергаментным. Преобразились и мягкие руки артиста. Зашевелились, неестественно вытянулись пальцы, судорожно сжимаясь и разжимаясь, как клубок потревоженных змей. Казалось, что стены уютной комнаты, в которой мы сидели за чайным столом, сдакнулись, потускнели. Глазам невольно представилась картина в подвале, только что нарисованная Шалыпиным...

Он продекламировал весь монолог Скупого рыцаря наизусть, без малейшей заминки. Чувствовалось, что артист сжился с образами пушкинской поэмы.

— Хотел я сыграть на драматической сцене не только Скупого рыцаря, но и Сальери, — сказал Шалыпин. — Помню, заехал ко мне Станиславский. Пили мы с ним красное вино, и я ему всего Сальери прочитал. Да еще с каким удовольствием! Был у нас разговор, чтоб мне в драме выступить, да как-то не вышло... А Сальери ведь Скупому рыцарю по духу несколько сродни приходится... И кремль, и страсти — но и жестокости в нем немало, и себя-то ему жаль...

Я привожу слова Шалыпина почти буквально, не меняя даже характерной для него манеры строить фразу.

Особенно мне запомнилось то, что Федор Иванович говорил об одном из любимых своих стихотворений — «Воеводе». Это пушкинский перевод из Мицкевича. Полностью прочитав нам стихи, Шалыпин заметил:

— Удивляюсь я, что до сих пор ни один композитор, даже польский, не соблазнился этой темой и не написал оперы. А ведь тема-то какая богатая! Красок сколько, характеры какие сильные! Что ни строка — то драма, да не такая, как во многих оперных либретто, — настоящая — с кровью, с жизнью... Роль Воеводы мне давно хотелось сыграть. Признаться, некоторых композиторов я даже сам на музыку подбивал. С Сергеем Рахманиновым не раз об этом говорил. Только, пожалуй, тут не Рахманинов, а скорее, Мусоргский нужен. Чтобы не лирика в музыке была, а как у Пушкина с Мицкевичем

ИСПОЛНЯЕТСЯ СТО ЛЕТ СО ДНЯ ОПЕРНОГО ДЕБЮТА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ШАЛЯПИНА. ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ АРТИСТ ВПЕРВЫЕ ВЫШЕЛ НА СЦЕНУ 18 ДЕКАБРЯ 1890 ГОДА В УФЕ.

О ВСТРЕЧАХ И БЕСЕДАХ С ШАЛЯПИНЫМ, О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ОТ ОБЩЕНИЯ С НИМ НАПИСАНО И ОПУБЛИКОВАНО НЕМАЛО. НО ЕСТЬ ЕЩЕ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ИЛИ ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНЫЕ ПО РЯДУ ПРИЧИН СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ СТРАНИЦЫ. К НИМ ПРИНАДЛЕЖАТ ВОСПОМИНАНИЯ СТАРЕЙШЕГО ЖУРНАЛИСТА, ПЕРЕВОДЧИКА, ДРАМАТУРГА СТАНИСЛАВА ПОВОЛОЦКОГО — БЫВШЕГО НАШЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКА, А НЫНЕ ГРАЖДАНИНА ПОЛЬШИ. ФРАГМЕНТ СВОИХ ВОСПОМИНАНИЙ С. ПОВОЛОЦКИЙ ПРЕДЛОЖИЛ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ».

— кровь, чтобы страсти чувствовались... По просьбе Вилинского Шалыпин согласился на другой день побеседовать со мной у себя в гостинице. Когда я пришел в назначенный час, Федор Иванович, еще лежа в кровати, пил утренний кофе.

Идя к Шалыпину, я захватил с собой старый, потрепанный номер петербургского журнала «Лукоморье». Нашел я его случайно в кипе старых бумаг, которые хранились в одном из книжных шкафов, стоящих в моем кабинете. Это был номер, если мне память не изменяет, 1912 года. В нем была опубликована беседа с Шалыпиным, происходившая в его петербургской квартире. Помещено было также несколько снимков этой квартиры. Именно поэтому я и захватил с собой этот номер, думая, что, может быть, Шалыпина заинтересуют эти снимки. И не ошибся.

Когда, поздоровавшись, я дал журнал Федору Ивановичу, пояснив, почему я его принес, он с нескрываемым интересом стал его рассматривать.

«Спасибо! Вот, что называется, угодил, — посмотрев на меня, сказал Шалыпин, — ведь у меня нет ни одного снимка этой моей квартиры в Питере! Еще раз спасибо!» И вдруг неожиданно, обращаясь ко мне на «ты», сказал: «Только вот не знаю, что тебе взамен подарить. Ничего у меня тут нет. Может, вот галстук, если не обидишься. Совсем новый, ненадеванный...»

Трудно поверить, наша беседа длилась более четырех часов. Особенно тепло и сердечно вспоминал Федор Иванович о своих выступлениях в Москве.

— Люблю я Москву во сто раз больше Питера. Каждый камушек мне там знаком... Закрою глаза — и тотчас увижу московские переулочки да Большой театр, в котором каждый уголок знаю. Думал я, что, как петь перестану, в Москве учеников заведу. Пению учить не горазд я, а вот с будущими оперными режиссерами подзаныться хотел... Да не пришлось.

Глубокой тоской были проникнуты слова Шалыпина о покинутой родине, о родной Волге.

— В Нижнем, Горький теперь этот город называется, есть такое местечко: Буль-

вар на высоком берегу, а внизу река. Золотые монастырские маковки поблескивают, кругом — простор русский, ни с чем несравнимый... Веришь ли, как глаза закрою, так и вижу эту картину, даже запах речной чувствую... И никакие Парижи да Лондоны мне этот уголок не заменят.

С горечью говорил артист о своих скитаниях по чужим странам.

— Как начал я стареть, так и думаю все чаще: ну мое ли это дело — по разным Парижам и Нью-Йоркам ездить, мир из конца в конец бороздить? В Москву тянет. Знаю, там мое место. Вот Куприн решился, едет как будто...

В голосе Шалыпина слышались какие-то особенно грустные нотки:

— Пою я по-русски, а много ли в этом моем пении понимают немцы, французы, японцы? Ведь я и в Японию недавно забрался. Звук только ценят, слова для них непонятны. А в слово я всю свою душу вкладываю. Певец — не инструмент сладкоголосый, а артист, душой переживающий содержание звука пропетого! Потому, наверное, так люблю я петь в Польше, в славянских странах, где публика меня понимает. И я ей ближе, и она мне роднее!

Рассказывал Шалыпин и о планах, которые намеревался осуществить после того, как покинет сцену.

— Вот если дотяну до 1940 года, выступлю в последний раз и серьезно режиссурой займусь. Может, даже драматическими, не только оперными постановками. Театр бы свой создать хотелось. Только трудно это здесь, не то что в России...

МНОГОЕ услышал я от Шалыпина во время нашей беседы. Он говорил о своих первых выступлениях, о дружбе с Горьким и Станиславским, делился мыслями о природе актерского мастерства.

— Вы спрашиваете меня о творческих задачах оперного актера? Сорок семь лет, в продолжение всей своей карьеры на сценическом поприще, я стараюсь прокладывать собственный путь в театре. И, не скрою, благодаря мне на общем фоне оперной рутины и условности появилось кое-что новое.

Оперного актера-певца связывает партия. Он подчинен палочке дирижера, заботящегося почти исключительно о музыкальной стороне спектакля. Экспрессией актерской игры, самой возможностью создания сценического образа невольно жертвуют ради вокально-музыкальных требований. Если в актере окончательно побеждает певец, одерживает победу и то, что принято называть оперной условностью и рутинной...

Что сказать вам о современном состоянии оперного искусства? На мировом театральном рынке, если можно так выразиться, я вижу мало утешительного. Из всех оперных театров, где мне удалось побывать, я могу назвать лишь три, заслуживающих внимания: оперы в Софии, Риге и Ковно. Эти театры испытывают несомненное влияние русского оперного искусства. Отчасти поэтому они и находятся на должном уровне. Нельзя забывать, что, кажется, только в России театр — не развлечение, а насущная духовная потребность!

Все, что говорил Шалыпин во время этой, одной из последних в его жизни беседы, предназначено для опубликования в печати. Было пронизано какой-то тихой, ватанной грустью, огромной тоской по Родине...

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ хочется к моему рассказу о встрече с Федором Ивановичем Шалыпиным добавить и то, что в нашей беседе сказал артист о кино как искусстве, о роли, значении и задании в этом искусстве актера и режиссера.

Шалыпин придавал большое значение звуковому кино. Он высказывался о нем с энтузиазмом как о сильном и надежном средстве, дающем возможность зафиксировать созданные актером образы и довести искусство актера во все уголки мира. Вместе с тем он отрицательно и с большой язвительностью отзывался о своем собственном дебюте в звуковом кино. С огорчением вспоминал он о своем выступлении перед кинокамерой в фильме «Дон-Кихот» в заглавной роли.

— Я с радостью принял приглашение играть в этом фильме, тщательно подготовился к выступлению в новом для меня качестве — актера кино, — вспоминал артист, — и что же оказалось? Ничкомое, жалкое зрелище, посмотрев которое я решил никогда больше не сниматься в кино. Фильм «Дон-Кихот» получился плохо за- нятым, нудным театральным представле-

нием. На экране резко бросалась в глаза вся нелепость банальных приемов, оперных штампов, беспомощность режиссера, скудность воображения сценариста, судорожно цеплявшегося за либретто, ужасно смешная растянутасть в игре отдельных актеров, не имеющих понятия о совсем иных, чем в оперном театре, принципах и ритме передачи человеческих чувств перед объективом. Я не киноактер. Но чувствую, что решающим для такого актера является не только ритм, который должен быть совсем иным, чем в театре, но также и умение жизненно верно синхронизировать движение со словом. Чувство меры, обдуманная скупость жеста, движения, мимика имеют решающее значение в подлинном искусстве театра. В кино же, помоему, эти качества еще более важны, ибо каждое человеческое переживание, запечатленное кинокамерой, должно быть передано наиболее скупыми по форме, но необычайно сильными, выразительными средствами. И ритм, прежде всего ритм действия, которому должны быть подчинены и слово, и движение, и все, что происходит на экране! Задача режиссера — найти надлежащий для данного фильма ритм. С помощью ритма воспроизводится внутренний, эмоциональный строй произведения, создается соответствующее настроение.

Именно поэтому сценарий фильма, особенно сценарий, создаваемый по какому-либо литературному произведению или театральной пьесе, должен писаться при непосредственном участии режиссера, умеющего извлечь из текста полную специфического ритма кинодинамику. Я лично если бы столкнулся когда-нибудь поближе с кино, то, может быть, попытался бы показать на экране одно из моих любимых эпических произведений — «Слово о полку Игореве». Какой это чудесный сюжет для фильма!

Вообще же Шалыпин резко подчеркивал свое отрицательное отношение к кино в тогдашних его формах.

— Это такой вид искусства, который должен как можно скорее сбросить с себя всякий налет театральности и создать собственные принципы и пути развития, чтобы стать настоящим искусством, — говорил он.

С большим юмором рассказывал артист о своем первом знакомстве с кино, происшедшем в свое время в России в эпоху немых фильмов.

— Первое в моей жизни приглашение играть в кино, — говорил Шалыпин, — я получил... бане. С таким предложением обратился ко мне некий субъект, близко связанный с тогдашней кинематографией. Фамилия его была Иванов-тай. По профессии он был кинорежиссером, а по внешности напоминал скорее коммивояжера или оборотистого торговца. У него был хорошо подвешен язык, и он меня совсем опутал. Известно, что в бане человек думает только о том, как бы помыться да хорошо попариться. Мозг работает лениво... И вот этому типу удалось уговорить меня сниматься в фильме, да еще в роли царя Ивана Грозного. «Сценарий, — говорит, — класс, написан по либретто оперы «Псковитянка», Миллионы, — продолжал он, — будут восхищаться вами...» Искушал он меня, как дьявол грешника, пока я наконец не уступил и не согласился. Приезжаю на съемки на натуре. Что было дальше, лучше не рассказывать. Позор и стыд!

Однако фильм с Шалыпиным в роли Ивана Грозного появился на экранах в октябре 1915 года. Тогдашней русской критикой он был принят неблагоприятно. Критики единодушно сделали заключение, что Шалыпин в качестве актера кино экзамена «не сдал».

— Видимо, — закончил воспоминания о своем первом фильме Шалыпин, — лауры Можухина или Полонского были предназначены не для меня.

В моем домашнем архиве хранился редкий и дорогой для меня снимок. Снял я на нем вместе с Шалыпиным. Снимал нас известный в те годы артист В. Н. Добровольский. Был он также прекрасным фотографом-любителем. На снимке — автограф Шалыпина с незабываемой для меня подписью и несколькими теплыми словами. К сожалению, в бурные годы войны снимок этот вместе с другими документами пропал... Импресарио и друг Федора Ивановича, Кашук, приехав в Польшу уже после кончины Шалыпина, в 1938 году, говорил мне, что в Париже видел этот снимок в квартире Шалыпина. Возможно, что имеется он и в личных вещах Шалыпина, которые были в свое время привезены из Парижа в Москву.

Станислав ПОВОЛОЦКИЙ

ЛОДЗЬ,
ПОЛЬША